

МИХАЭЛЬ
ШУМАХЕР

Оглавление

9 БЕЗМОЛВИЕ

14 СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

30 ДЕСЯТЬ ШЕДЕВРОВ

62 ТЕНИ И ТАЙНЫ

88 БЛИЖНИЙ КРУГ

106 ИРВАЙН, «ДЕТЕКТИВНЫЙ СЮЖЕТ»

124 БРАНДЛ, ПЕРВЫЙ ПАРТНЕР

128 МИХАЭЛЬ С ДРУГОГО РАКУРСА

132 МАМИНА ЛЮБОВЬ

136 ВЕРА И ЧЕМПИОН

138 МГНОВЕНИЯ БОЛЬШОГО СТРАХА

146 ШУМАХЕР — СЕННА:
СОПЕРНИЧЕСТВО, ПОЛНОЕ ЯДА

158 НЕЗАМЕТНЫЕ ДРУЗЬЯ

172 ВОЗВРАЩЕНИЕ: А СТОИЛО ЛИ?

195 ВЕЛИЧАЙШИЙ

200 ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

206 ДОСТИЖЕНИЯ

SCHUMACHER

Наверняка немало людей фотографировали Михаэля Шумахера, когда он с семьей и друзьями

катался на лыжах по сверкающему на солнце снегу Мерибеля в воскресенье, 29 декабря 2013 года. Радостная и беззаботная компания, веселый Михаэль, снимающий всех своей камерой, закрепленной на шлеме, в двух шагах позади едет его сын Мик. Спустя два дня Михаэль с некоторыми из этих друзей собирался отпраздновать Новый год в своем доме, что в двух шагах от лыжной трассы. А еще через три дня — и свое сорокапятилетие.

В Риме в 11 утра папа Франциск, выйдя на балкон к площади Святого Петра, читал «Ангел господень» перед морем людей, как обычно собравшихся со всего мира в День Святого Семейства. Проповедь он закончил словами: «Желаю вам всем приятно-го и доброго воскресенья, хорошего обеда, до свидания!»

В это время Михаэль Шумахер двигался на низкой скорости, 25–27 километров в час; он уже сотни раз съезжал по этой трассе, прямо по направлению к своему дому. Он ждал, пока компания подтянется, чтобы никто не отстал. Время от времени он ехал в нескольких метрах от ограничительной линии слева, там, где лыжи скрипят на свежевыпавшем снегу. Ему нравился этот звук — необычный, звук новизны. Он радовался жизни. В какой-то момент правая лыжа встретила внезапное препятствие, которое нарушило равновесие Михаэля. Предательский камень, скрывшийся под снежным покрывалом. Михаэль инстинктивно качнулся, пытаясь удержать равновесие,

БЕЗМОЛВИЕ

но ему не удалось этого сделать, и он полетел вперед. Всего один миг. Его даже позабавила мысль,

что он упал на глазах у друзей. От неожиданности он не смог удержаться ни палками, ни руками. Встретившая препятствие лыжа нарушила равновесие и выбросила его еще на несколько метров от трассы. Он упал, и именно в том месте, где он коснулся головой земли, оказался еще один камень.

Михаэль лежал на земле, двигал только рукой. Его сын Мик был среди первых, подъехавших к нему, он полагал, что отец переведет дыхание и встанет, что помощь не нужна. Но он не вставал. Михаэль пробормотал несколько слов — вероятно, ругался или оправдывал свой испуг. Тут подъехали и остальные и, смотря на недвижимого Михаэля, не могли поверить своим глазам. Он не шевелился, был без сознания, дышал с трудом, и кто-то из опытных тут же вызвал «Скорую», видя, что шлем был пробит в том месте, где крепилась камера. Местные спасатели сразу поняли, что положение Михаэля тяжелое, что самим не справиться, и вызвали вертолет. Спустя девятнадцать минут Шумахера положили на носилки и отправили в больницу. Во время полета Михаэль, как показалось, помимо стонов произнес и несколько путанных фраз, но за шумом винтов разобрать их не смогли.

Те, кто незадолго до этого фотографировал лыжников, не знали, что снимали последние сознательные минуты Михаэля Шумахера. «После» состояло из бюллетеней, заявлений, опровержений, уточнений. Шуми с тех пор под софитами не появлялся. Он за кулисами.

Настало безмолвие. Отношения с миром прервались именно тогда, когда мир захотел знать о нем все. Как он? Надолго ли останется в больнице? Что такое это непонятное «двустороннее повреждение мозга», о котором говорили врачи в больнице Гренобля, куда его привезли? Он в сознании? Узнает близких? Вся планета задавалась этими вопросами. Ответы на них хотели бы получить и многочисленные фанаты, собравшиеся у больницы, чтобы показать, что они рядом, что они любят человека, который столько лет дарил им радость. Михаэль на трассе выдавал зрелище, и сейчас его поддерживали теми же растяжками и флагами, которые реяли, когда он побеждал. Для непосвященных это выглядело удивительно, возмутительно, это беспокоило. Но язык общения между чемпионом и фанатами теперь стал медицинско-терминологическим, трудно понимаемым.

Местность перед больницей превратилась во что-то похожее на трибуны автодрома. Но не было рева моторов, не было радости, присущей гонкам Гран-при. Были растерянные взгляды, обращенные вверх: Михаэль в палате на пятом этаже, и как знать — может, в окне появится кто-то из близких и покажет жестами, что «критическое состояние», о котором говорилось в последнем, бесстрастном, бюллетене, осталось позади.

Но нет. Оглушительная тишина нарушалась дважды: 16 июня 2014 года, когда Михаэля, вышедшего из комы, перевели в Клинику университета Лозанны «для реабилитации», и 9 сентября, когда он вернулся домой в Глан, что на берегу Женевского

озера, «чтобы быть окруженным теплом семьи». Все остальное — неподтвержденные сведения об улучшении или ухудшении. Ничего стоящего доверия. Те немногие, кто навещал его, не произносили ни слова. Не высказывалась и семья, разве что благодарила за любовь множество незнакомых людей, которые волновались и хотели бы утешиться надеждой, пусть и отдаленной, пусть и слабой.

Находились и те, кто осуждал молчание и жаждал ежедневных сообщений. Были и те, кто связывал это со множеством замалчиваний, случавшихся в карьере Михаэля. Но на этот раз его замкнутость была ни при чем. Происходящее было пугающе серьезным, чувствительным. Более личным. Безмолвие было защитой, просьбой о понимании и уважении. Безмолвие означало, что жизнь обретает форму и возрождается, слова ничего к этому не добавили бы.

Тут нечего сказать. Точнее, можно много чего сказать — безмолвие выражает то, что таится в глубинах сознания. Просто нечего добавить. Не в тишине ли рождается что-либо, обдумывается, переживается и вызывает самую большую душевную радость? Молчание создает внутри нас пространство, в котором все доступно, реально, обнадеживающе. Слова ограничивают, молчание же безразмерно, и его посредством передается вера, которая длится вне времени, восходя к пределам бессмертия.

И потому безмолвие Михаэля Шумахера и тех, кто рядом с ним, уважается, а главное — разделяется другими. Безмолвие — как громкий крик любви всех, кто хочет быть к Михаэлю как можно ближе.

Каюсь в том, что ужин, организованный группой итальянских журналистов по случаю перехода Михаэля Шумахера в «Феррари», превратился в кошмар для некоторых из присутствовавших по моей вине. Мы собрались в Португалии на гоночный уикенд, в конце сентября там еще жарко, и мне хотелось, чтобы такое нерядовое событие произошло в замечательном приморском ресторане, очень известном своим утонченным рыбным меню. Но мест в нем не оказалось. Поэтому пришлось выбрать помпезное и элегантное заведение в центре Кашкайша с залом на втором этаже. Шумахер был удивлен приглашением, поскольку до того времени уже ездил за итальянскую команду, за «Бенеттон», но никто из нас им не интересовался. Однако приключение, в которое он готовился пуститься с «Феррари», — это другое дело, в том числе и для журналистов, с которыми ему предстояло общаться. Мы с коллегой Франко Панарити поговорили с Михаэлем и назначили дату — 23 сентября. Кашкайш был неподалеку от того места, где гостила «Формула-1».

Смущенный Михаэль явился на встречу вместе со своим менеджером Вилли Вебером, и оба разместились в центре длинного стола, предназначенного для свадебных обедов. Невероятно обходительные и вышколенные официанты, великолепный ужин; потом Шумахер попрощался — на следующий день он должен был участвовать

в гонке, — а счет принесли мне. Мы решили разделить его, и метрдотель любезно рассчитал каждого из нас. Сумма была запретельной, чудовищной. Мы очень спокойно все оплатили, и глазом не моргнув. Когда мы выходили, шестеро официантов, обслуживавших нас, и все работники кухни выстроились на каждой ступеньке лестницы, ведущей на первый этаж, почтительно кланяясь нам, шествовавшим мимо. Какая-то уж чрезмерная любезность, из ряда вон выходящая. Ее причину я понял позже, когда, изучив счет внимательно, обнаружил, что ошибся: сумма была написана неразборчиво (специально?), и мы оплатили в три раза

больше, чем было нужно. И когда в воскресенье утром Шуми благодарил нас и пообещал, что устроит ответный ужин (так и не устроил), нашлись те, кто язвительно, еще не зная о моей оплошности,

поторопился предложить собраться на ужин в том же ресторане, куда мы его приглашали...

Как бы то ни было, Шумахер тем вечером был очень мил и любезен. Ужин начался с вопросов к нам. «Как вам работается в Маранелло? Без проблем? Какие у вас отношения с Тодтом и ди Монтедземоло?» — интересовался Михаэль.

Застал нас врасплох. Потом выяснилось, что у него уже была «Феррари», он рассказывал, что «F355» — «отличная в вождении, особенно при дрифте на мокрой дороге», объяснив, что тем не менее не купил только

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

что вышедшую «F50», поскольку «суперкары стали слишком большими для повседневных поездок, их невозможно запарковать, и именно поэтому я только что продал “Бугатти”. К тому же все глазят с любопытством, а кто и с неприязнью, и это меня беспокоит. Куда проще ездить с женой на не приметном “Мерседесе” — это и быстрее, и проще». Мы спросили его, знаком ли он с пилотами-итальянцами. «Да, уважаю Ярно Трулли, он приятный парень», — ответил Михаэль. «И еще Норберто Фонтану: он талантлив, но ездит постоянно на грани».

Мы объяснили ему, что Фонтана, пилот «Заубера» — аргентинец, а не итальянец. Ну да не важно. Он продолжал: «Я живу в Монте-Карло, и там много итальянцев — почему так? Мне в княжестве хорошо, разве что кроме лета, когда туристы там в каждом уголке — я тогда меняю обстановку. Это как отдельная страна: ты всех знаешь, ходишь без проблем. Люблю ужинать в итальянском ресторане “Микеланджело”, это в Фонтвейе, там кормят, как дома. Потом сразу иду спать, не люблю ложиться поздно. Хорошо бы на стадион сходить, на матч “Монако” — никогда там не был. Я люблю футбол, я фанат “Кельна”, а моим кумиром всегда был... Шумахер! Да, тот, Тони, вратарь “Кельна” и сборной Германии».

Он был весел, немного откровенничал: «Нет, Пэт Симондс (*который тогда*

был инженером по стратегии в “Бенеттоне”. — Прим. авт.) не перейдет в “Феррари”, он будет в руководстве “Рено”. Бриаторе? Да, я хотел бы, чтобы он перешел, это правда, но предложили ему контракт или нет — спросите у него!»

Говорил, что между Монте-Карло и Маранелло летал бы на самолете, на собственном, и ни за что не пытался бы побить рекорд на машине, как это делал Жиль Вильнев, которому позже подражал и Жан Алези. «Вылетаешь из Ниццы — и через полчаса уже в Болонье. А там уже рукой подать...»

Он наслаждался «каталонским кремом» и вскоре собирался прощаться, и я рискнул задать банальный вопрос, для заголовка: «Как думаешь, итальянцы тебя полюбят?» Михаэль ответил без раздумий, отмечая всю романтику: «Фанаты хотят, чтобы “Феррари” побеждала, и я постараюсь побеждать».

«Феррари» — технологический символ Италии во всем мире. Но раньше был и другой очень узнаваемый итальянский бренд, даривший радость, — «Бенеттон». Благодаря подвигам Шумахера производитель-гигант одежды повседневного стиля из Тревизо стал первой неавтомобильной маркой в истории, выигравшей чемпионат «Формулы-1». Это была команда без гламурного ореола, быстрая в решениях, с великолепным техническим персоналом, амбициозная, творческая. Михаэль

1990 год, пилот «Mercedes Group C»